

УДК 39:930.85

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2021-4/5-14>

С.В. Березницкий*

ПРИРОДНЫЕ ГАЛЛЮЦИНОГЕНЫ И СПИРТНЫЕ НАПИТКИ КАК АТРИБУТ КОММУНИКАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ АМУРО-САХАЛИНСКОГО РЕГИОНА С САКРАЛЬНЫМ МИРОМ

Традиция употребления галлюциногенных веществ и алкогольных напитков является мощным фактором, влияющим на жизнеобеспечивающие технологии коренных народов амуро-сахалинского региона, на процесс изменения их менталитета, архетипов сознания и поведения. О проблеме пагубного влияния алкоголя на личность человека и общества написано огромное количество трудов специалистов разных научных направлений. Однако в верованиях и ритуалах коренных народов обязательным является использование алкоголя в качестве атрибута при контактах со сверхъестественными существами. В статье представлен анализ роли природных галлюциногенных веществ, которые использовались коренными народами вместо спиртных напитков до их широкого распространения. Автор также прослеживает источники поступления алкоголя как мощного механизма иноцивилизационного влияния на культуру аборигенов, выделяет основные компоненты и тенденции этого сложного процесса, исследует роль спиртных напитков в коммуникативном дискурсе тунгусо-маньчжуров и палеоазиатов с сакральным миром.

Ключевые слова: коренные народы, амуро-сахалинский регион, галлюциногены, спиртные напитки, коммуникация, сакральный мир, этнокультурные контакты

Natural hallucinogens and alcoholic beverages as a means of communication between the Amur-Sakhalin indigenous peoples and the sacred world.
SERGEY V. BEREZNITSKY (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences)

The tradition of using hallucinogenic substances and alcoholic beverages is a powerful factor influencing the life-supporting technologies of the Amur-Sakhalin indigenous peoples, the process of changing their mentality, archetypes, and behavior. Although we can find plenty of works devoted to the harmful effect of alcohol on personality and society, for indigenous peoples it was a necessary means of communication that they used when dealing with the sacred world. The article analyses which natural hallucinogenic substances were used by the indigenous peoples, how they got alcohol through contacts with other

* БЕРЕЗНИЦКИЙ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

E-mail: svbereznitsky@yandex.ru

© Березницкий С.В., 2021

ethnic groups, and what role the alcoholic beverages played in their sacred communicative discourse.

Keywords: Amur-Sakhalin indigenous peoples, hallucinogens, alcoholic beverages, communication, sacred world, ethnocultural contacts

Коммуникация с духами является специфическим, этнокультурным способом видения, осознания и взаимодействия с сакральными и профанными компонентами окружающего мира, находящимися в определенном хронотопе. Несмотря на то, что правила коммуницирования проявляются прежде всего в языке, в текстах, не менее важным является результат интерпретации поведения человека, его мировоззрения, знаний и желаний [13, с. 13–14; 25, с. 187–193]. В качестве коммуникационного дискурса могут выступать этнографические, социальные, культурные, психологические факторы, связанные с механизмом взаимодействия индивида с членами определенного этнического общества, а также с представителями сверхъестественного мира. Для усиления эффекта коммуникации люди используют природные галлюциногены, спиртные напитки.

Употребление человеком психотропных веществ растительного происхождения, а впоследствии и спиртных напитков в ритуалах, основано на стремлении получить особую ментальную энергию, поддержку сверхъестественных сил в бытовых, семейных и хозяйственных занятиях, открыть возможности общения с духами.

Природные галлюциногены, создающие особые психотропные эффекты, позволяют людям вступать в контакт с вездесущими духами. Эти реальные растения, а также их ментальные образы играют важную роль в религиозной культуре, мифологии, верованиях и ритуалах. Коммуникативная функция галлюциногенов растительного происхождения известна в культуре народов всей Евразии.

Тунгусо-маньчжур и палеоазиаты амуро-сахалинского региона издавна проживают на территории российского Дальнего Востока, в бассейнах рек Амур, Усури, на острове Сахалин и Охотском побережье. На протяжении сотен лет они контактируют со своими соседями, с пришлыми и переселенческими этносами. Традиционно коренные народы занимаются охотой, морским зверобойным промыслом, реч-

ным и морским рыболовством, оленеводством, собирательством съедобных и лекарственных дикоросов, других даров тайги и моря. Промыслы являются наиболее важной частью их системы жизнедеятельности, так как представляют основу всего необходимого для развития материальной и духовной культуры.

В структуру промысловых ритуалов включен сложный процесс коммуникативных, обменных отношений со сверхъестественными существами, хозяевами конкретных участков окружающей природы, которых необходимо угостить, чтобы получить возможность охотиться, ловить рыбу, заниматься оленеводством, собаководством, собирать дикоросы, обезопасить себя во время промыслов и кочевий, быть уверенным в благополучном исходе родов, в завтрашнем дне, в физическом и ментальном здоровье сородичей. В состав угощения в качестве обязательного элемента входят природные галлюциногены и спиртные напитки.

В традиционной культуре коренных народов амуро-сахалинского региона могли использоваться лишь природные растительные вещества, обладающие возбуждающими, галлюциногенными и легко опьяняющими свойствами. Эти народы не обладали развитым земледелием с возможностью выращивания культурных злаков (рис, пшеница, сахарная свекла и т.п.) в качестве ингредиентов для производства спиртных напитков. Наиболее важную нишу в этой сфере занимал болотный багульник (*Ledum palustre*), вечнозеленое растение семейства вересковых. Его стебли и листья с сильным дурманящим запахом удэгейцы, орочи, нанайцы, уйльта, ульчи, нивхи и другие аборигены собирали, тщательно высушивали и во время культовых действий воскуривали на огне [5, с. 134–135; 8, с. 18–19; 9, с. 25–26; 19, с. 24–30; 26, с. 57; 28, с. 112–118; 38, с. 434]. Считалось, что дым багульника приятен добрым духам и отпугивает вредоносных существ, улучшает память человека, обостряет его чувственное восприятие, помогает с помощью видений контактировать со сверхъестественными силами.

Багульник использовался в коллективных и индивидуальных ритуалах, в обрядах жизненного цикла, для защиты жилища от злых духов с помощью культовой скульптуры, которую смазывали кровью диких птиц, животных, окуривали дымом багульника. От возможного влияния души утонувшего сородича защищались посредством воскуривания багульника в котлах, используя их в качестве магических тропинок на поминках (Архив Приморского центра Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, далее – Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 3. Л. 348; Д. 6. Л. 67–70; Д. 11. Л. 49, 76; Д. 27. Л. 218, 244–245, 260–262). В этих ритуалах дым багульника предназначался прежде всего для добрых духов, которые наслаждались этим ароматом; считалось, что для вредоносных сверхъестественных существ запах дымящегося багульника невыносим и является своеобразной преградой между ними и миром людей.

Во время вхождения сильных шаманов в транс дым багульника использовался для изменения их сознания, для получения возможности контакта со сверхъестественными существами. Для усиления наркотического эффекта, улучшения коммуникации с духами дымящимися листьями багульника натирали шаманский костюм. Шаман глотал дым багульника, жевал его корень, пил водный настой этого растения с добавлением золы, сажи. При этом он был убежден, что пьет не один, а в компании с его духами-помощниками. По указанию шамана тело больного также натирали листьями дымящегося багульника и заставляли его дышать парами настоя (Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 203; Д. 11. Л. 15; Д. 28. Л. 77); [28, с. 434].

Анализ генезиса, сущности и эволюции этих магических терапевтических приемов показывает, что в институт шаманства они органично вошли из народной медицины, где использовались для лечения простуды. Кроме того, охотники и рыболовы с древности применяли дым багульника для очищения от злых духов долго не посещавшихся охотничьих жилищ. Подобным же образом шаман изгонял из тела больного злого духа, изготавливая деревянную фигурку болезненного существа и окуривая ее ароматным дымом багульника (Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Д. 27. Л. 243, 245). Иногда во время отпугивания злых существ дымящимся багульником шаман усиливал свои действия

тем, что отбивался от духов колотушкой для бубна как мечом (Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Д. 28. Л. 91–92). Нивхские шаманы использовали для воскурения багульника изготовленный из лиственницы шаманский столик/очаг, на верхних выступах которого вырезали зооморфные и антропоморфные фигурки духов-помощников шамана [34, с. 170–171].

Айнские шаманы применяли при камланиях наркотический дым от сжигания на углях хвои ели и лиственницы, стеблей дикого чеснока и растения, называемого на айном языке термином «нута» [33, с. 168].

В традиционных удэгейских ритуалах деторождения большую роль играл образ Тагу Мама – сверхъестественного существа женского пола, подательницы детских душ роженицам. Если люди соблюдали родовые законы, то она помогала им, если нарушали, то посылала для наказания вредоносного духа кусаянку, который мешал людям, не давал им спокойно жить и охотиться. Чтобы нейтрализовать это негативное воздействие на социум, нанайские, орокские, ороческие, удэгейские шаманы использовали два противоположных приема коммуникации. Изготовленную из дерева фигурку духа они угощали кровью и салом животных в качестве умиловительного ритуала, но в то же время окуривали ее дымом багульника (Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Д. 4. Л. 795; Д. 11. Л. 65; Д. 27. Л. 243).

Настой и дым багульника использовался шаманами при проведении ритуала обхода стойбищ своего рода, для очищения их от злых духов и благодарения добрых. В настоящее время при проведении шаманских камланий багульник применяется в обязательном порядке.

В системе календарных праздников, в промысловых культах коренных народов региона важную роль играл образ Лаобату, связанный с космологией китайцев, маньчжуров, с охотничьей культурой аборигенов. Лаобату в виде небольшого существа антропоморфного вида с выбритым лбом и собранными в косу волосами на затылке изображался на бумажных и матерчатых «иконах», которые китайские купцы продавали охотникам за шкурки соболей. Лаобату считался проводником охотника, поэтому его нужно было обязательно угостить алкоголем перед промыслом (Архив ПЦРГО-ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Д. 11. Л. 38, 55). Чаще всего при таких обменных операциях в 1920-х – 1930-х гг. охотники использовали китайскую водку араку.

Ею же угощали духов зимой, перед началом подледного лова рыбы. Некоторые охотники в настоящее время угощают Лаобату магазинной водкой, дымом багульника, мясом диких животных, хлебом или самодельными лепешками. Для этого ритуала сооружается жертвенник: в коре одиноко стоящего дерева с толстым стволом вырезается треугольное отверстие острием вверх. У комля дерева складываются дары для божества и брызгается спиртное.

Амурские эвенки сохранили до настоящего времени многие компоненты древнего культа. После добычи животного его голову помещают на почетное место и окуривают дымом багульника, в благодарность хозяевам тайги, конкретной местности за возможность дальнейшего получения промыслового фарта.

При праздновании китайского Нового года по лунному календарю нанайцы, орочи, удэгейцы, ульчи, негидальцы устраивали семейные моления перед матерчатыми иконами и угощали изображенных на них божеств алкоголем, свиным мясом, дымом багульника.

Современные нанайцы периодически устраивают жертвоприношения в честь охранителя дома дюлина, угощая его ягодами, кашей, рыбой, дымом багульника и водкой. При проведении современных праздников (Юбилей района, конкретного села и т.п.) при входе в сельский Дом культуры гости должны обязательно пройти обряд очищения. Для этого они входят в помещение, проходя между двумя рядами участников ритуала, одетых в халаты, украшенные орнаментами, и держащих в руках курительницы с дымящимся багульником [Полевые материалы автора, 2021 г.].

Имеется краткая информация о том, что кроме багульника коренные народы региона использовали в культах настойки из мухомора, молодых веток черной березы [29, с. 121]. По данным исследователей XIX–XXI вв., нанайцы не только сами делали отвар из мухоморов, но и являлись распространителями этих грибов в другие регионы Дальнего Востока [12, с. 66; 17, с. 87; 29, с. 121; 36, с. 184]. Использовались такие растения, как женьшень и можжевельник (*Juniperus macropoda*) из семейства кипарисовых [36, с. 189]. Горящие листья можжевельника выделяют дым с веществами, вызывающими небольшое опьянение, галлюциногенные эффекты, возбуждение определенных участков мозга, гипнотический транс. Считалось, что аромат можжевельника приятен добрым сверхъ-

естественным существам и способен отпугивать злых, поэтому его дымящимися ветками очищали помещения. Нивхи можжевельным дымом лечили душевнобольных [24, с. 98].

Наиболее часто и активно употребляют в качестве галлюциногенных средств сырые и сушеные мухоморы, настои из них и даже мочу съевшего эти грибы человека коренные народы северо-восточной Азии (чукчи, чуванцы, коряки, ительмены, юкагиры, эвены, эвенки). В этих обществах мухоморы одушевляются, считаются людьми и предками некоторых родов. Традиция использования мухоморов в Арктике и на Севере насчитывает тысячелетия, она визуаль-но зафиксирована в петроглифах, исследуется с XVIII в. до настоящего времени [21, с. 428; 23, с. 124–125; 14, с. 24, 59–60; 15; 4, с. 46–58]. Наиболее четко влияние мухоморов на процесс коммуникации людей со сверхъестественными существами в результате временного изменения сознания проследил В.Г. Богораз [6, с. 140–142].

Традиция употребления опиума, пришедшая под влиянием соседних китайцев и маньчжуров, оказала огромное негативное влияние на здоровье, семейные и социальные отношения коренных народов юга Дальнего Востока [7, с. 17; 17, с. 86–89; 18, с. 113–117]. Однако опиум был очень дорогим продуктом и не получил такого широкого распространения, как алкоголь. Кроме того, автор не зафиксировал информацию о том, какое влияние оказывал опиум на коммуникацию со сверхъестественными существами.

Не менее важной темой является исследование ритуальной функции алкоголя в традиционном и современном коммуникационном дискурсе амурских этносов со сверхъестественным миром, с духами-хозяевами, которые «любят» выпить, покурить и попробовать той еды, которой нет в подвластных им владениях. Алкоголь не только меняет сознание человека, его мироощущение, но и является умиловительным жертвоприношением.

Проблема пагубного влияния алкоголя на личность человека и общество коренных народов Севера отражена в огромном количестве трудов [1, с. 337–353; 2; 3; 10; 37; 39, с. 106–123], однако в комплексе верований, умиловительных, промысловых, лечебных, шаманских и других ритуалов коренных народов использование алкоголя в качестве атрибута при контактах со сверхъестественными существами является обязательным.

Табак и спиртные напитки занимали важное место в ряду угощений хозяевам местности, охранителям жилища, другим божествам и духам, хотя Е.А. Гаер специально подчеркивала, что спиртное в качестве жертвоприношения духам в культуре нанайцев следует считать новацией [11, с. 9]. В повседневной жизни водка использовалась нечасто. Возможной причиной этого могла быть дороговизна алкогольных напитков. Исключением были только свадебные ритуалы, включавшие многодневные церемонии сватанья, переговоров о приданом и выкупе, свадебного пира, магических ритуалов, защищающих молодых и их будущих детей [20, с. 42].

При исследовании ритуалов угощения хозяев водной стихии, огня, скал, утесов, ущелий, участков тайги и тундры перед ловлей рыбы или после путины, в момент становления реки и после вскрытия ото льда, спуска лодок, отправления охотничьего или торгового каравана на лодках, собачьих или оленьих упряжках и т.п. обнаруживается много сходных черт. Наиболее универсальным элементом является обязательное наличие алкоголя, а также форма жертвенных блюд, изготавливаемых из дерева (в виде рыб, животных или птиц).

В традиционной промысловой культуре коренных народов региона существовали индивидуальные и коллективные обряды, связанные с деревьями, которым поклонялись для получения промысловой удачи, здоровья и счастья в жизни, угощая духов каплями спиртного напитка. Нередко эти деревья выступали в качестве тотемов. Ритуал нужно было повторять каждый год, если священное дерево помогло в трудную минуту. Обычно ритуалы жертвоприношения совершались деревьям определенной породы, которые выделялись своим внешним видом и местом расположения.

Некоторые современные информанты сообщают, что прежде их старики запрещали употребление алкоголя во время медвежьего праздника, так как реальный хищник и священный предок в образе медведя не любят не только пьяных людей, но даже запаха спиртного.

Практически все шаманские ритуалы, содержащие в себе элементы жертвоприношения духам-помощникам, духам-покровителям, злым вредоносным и болезненным духам, сопровождались угощением сверхъестественных существ алкоголем.

Сохранились приобретаемые в Китае небольшие рюмочки, которые наполнялись алко-

голем и ставились перед матерчатými иконами, во время празднования Нового года по лунному календарю, во время угощения ритуальной скульптуры охранителей жилищ.

Равно как и другие народы, проживающие в северных регионах, коренные народы Амура используют алкоголь во всех современных общегосударственных, родовых, семейных праздниках, угощают духа-хозяина огня, брызгая несколько капель спиртного напитка в открытый огонь (в печку, камин, костер и т.п.). Этот ритуал может совершать любой человек вне зависимости от пола, возраста, социального положения.

Говоря о происхождении алкогольных продуктов, следует отметить, что в современном языке коренных народов региона, в фольклоре, мифологии не зафиксировано терминов и понятий, связанных с аграрными культурами, с угощениями сезонных божеств, владеющих сельскохозяйственными угодьями, с названиями сельскохозяйственных орудий и технологий, культурных злаков и т.п. Тем более нет словосочетаний родного языка, связанных с процессом производства спиртных напитков и означающих сбраживание, брожение, купажирование, солод, хмель и т.п. Хотя есть названия для местных сортов амурского винограда, огорода, некоторых овощей.

В соответствии с этнокультурными особенностями хозяйственного типа указанных народов они традиционно не занимались земледелием, выращиванием злаковых культур, разведением домашних животных, производящих молочную продукцию, другими словами – не имели ингредиентов для производства алкоголя. В качестве исключения можно назвать такой специфический для охотников и рыболовов вид хозяйствования, как огородничество, которое проникло в виде инокультурных компонентов от соседних народов Восточной Азии в результате межэтнических контактов в качестве основы для выращивания табака, овощей, женьшеня и упомянутого выше опиума. С середины XIX в. земледелие стало широко распространяться в регионе вслед за славянскими переселенцами.

Имеются отдельные сведения о том, что аборигены Дальнего Востока изготавливали опьяняющие напитки из грибов и ягод, но без указания конкретных этносов и технологии приготовления. Некоторые представители русских переселенцев делали вино из дикого вино-

града в небольших количествах. Японская рисовая водка сакэ была практически неизвестна в Приамурье [10, с. 12, 13]. Поэтому главным источником поступления алкоголя для коренных народов Амура была Маньчжурия, населенная земледельческими этносами. Возможно, алкоголь мог поступать к предкам современных коренных народов региона во времена монгольской династии Юань (1271–1368) или династии Мин (1368–1644), однако этногенез и этническая история аборигенов еще окончательно не изучены. Имеются точные сведения о снабжении аборигенов алкоголем из Цинской империи (1644–1912), затем из Китая до 1940-х гг. Определенное количество алкоголя коренные малочисленные народы Севера с середины XIX в. стали приобретать и у русских переселенцев.

Особое место в торговле маньчжуров и китайцев с коренными народами региона принадлежало ханшину [1, с. 337–353; 10; 22; 27, с. 122, 124; 31]. В Южно-Уссурийском крае была распространена китайская водка (шаоцзю), называемая русскими термином «ханшин». Ее производством занимались в конце XIX в. 143 ханшинных завода, в 1906 г. – уже 204, прежде всего в Суйфунском и Сучанском районах и около устья р. Иман. С 1879 г. эти заводы выпускали 16 бутылок водки на душу населения региона в год. Бутылка вредного для здоровья ханшина крепостью 50–60 градусов стоила дорого: 15–25 коп. (за 30 коп. можно было купить пуд муки). Нередко за две бутылки ханшина китайский купец выменивал у охотников в верховьях р. Уссури шкурку соболя. Широкое распространение ханшина стало принимать характер эпидемии среди коренных народов, и русские власти в начале XX в. приступили к ликвидации ханшинных заводов и конфискации запасов этой водки в магазинах. Поля, которые китайцы засевали гаолянном, чумизой, овсом, пшеницей для производства ханшина, маком – для опиума, отдавались русским крестьянам под пашни. Китайские предприниматели быстро перевели производство ханшина в Маньчжурию. Однако в соответствии с Санкт-Петербургским договором 1881 г. между Россией и Цинской империей ханшин стали вновь беспошлинно ввозить на территорию российского Дальнего Востока в огромных объемах [10, с. 3–7, 10 и др.; 27, с. 122, 124].

Еще один из путей проникновения алкоголя – китайский парусный каботажный флот. С 1860-х гг. в Приморье он базировался в за-

ливье Ольги. Сюда из Северо-Восточного Китая приходили флотилии китайских шаланд и парусных судов-джонок. Они привозили растительное бобовое масло, ханшин, табак, чай, соль, шелк и другие товары, которые обменивали на морепродукты (морскую капусту, трепанги, морские гребешки, крабы), а также женьшень, меха и другие предметы промысла китайских мигрантов и коренных народов Приамурья [1, с. 337–353; 2, с. 131–142; 22, с. 17; 27, с. 122, 124; 30, с. 54–55, 86; 31, с. 55–60; 35, с. 16]. Для того чтобы окончательно закабалить долгами аборигенов Приамурья, китайцы активно использовали не только спиртные напитки, но и опиум [32, с. 87, 91]. С момента подписания Айгунского договора в 1858 г. китайцы в Приамурье обрели статус мигрантов, а в 1938 г. произошла масштабная депортация китайских мигрантов с территории российского Дальнего Востока [16].

В советский период представители коренных малочисленных народов могли приобретать алкоголь в розничной торговле, хотя периодически проводились кампании по запрету его продажи народам Севера. После распада СССР, ухода с политической арены КПСС, исчезновения коммунистической идеологии, развала экономики страны, утраты прежних моральных устоев, китайцы вновь хлынули на территории российского Дальнего Востока и стали ввозить в огромных количествах свои товары и продукты, в том числе – дешевую водку. Стали активно торговать водкой самого низкого качества многочисленные мигранты из бывших союзных среднеазиатских и кавказских республик. В районах расселения коренных народов региона появились китайские предприниматели, которые покупали, а чаще просто выменивали на водку ценные биоресурсы: туши животных, меха, шкуры (в том числе и тигров), панты, мускусные струи, рыбу, морепродукты и т.п. Проблема алкоголизации актуальна не только для коренных народов, но и для любых других, потому что алкоголь не щадит никого, выработка же культуры питья требует длительных временных и огромных финансовых, ментальных, культурных, моральных и других ресурсов.

Таким образом, коммуникация со сверхъестественными существами, как в традиционной, так и в современной культуре коренных народов амуро-сахалинского региона, невозможна без вхождения в наркотический транс, без галлюцинаций, возникающих в результате

воздействия описанных выше растений. В качестве аналогичного атрибута, основы сложных процессов коммуникации людей со сверхъестественными существами, с миром духов, для обеспечения благоприятных условий дальнейшей жизни выступает алкоголь. При этом приоритет отдается импортным, инокультурным, наиболее дорогим спиртным напиткам, так как в соответствии с древним менталитетом духам нужно отдавать самое лучшее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края // Труды 1-го съезда врачей Приамурского края 23–28 августа 1913 г. в г. Хабаровске. Хабаровск, 1914. С. 337–353.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерала-губернатора, 1914.
3. Арсеньев В.К. Лесные люди-удэгейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926.
4. Батьянова Е.П., Бронштейн М.М. Мухомор в быту, верованиях, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 46–58.
5. Березницкий С.В. Верования и обряды ульта (по материалам международной этнолингвистической экспедиции на о. Сахалин в июле-августе 1990 г.) // *Ethnic Minorities in Sakhalin*. Yokohama: Yokohama National University, 1993. С. 129–157.
6. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
7. Бооль В.Б. Гольды с реки Тунгуски. Этнографический очерк. Хабаровск: Книжное дело, 1930.
8. Брехман И.И., Сем Ю.А. Этнофармакологическое исследование некоторых психоактивных средств малых народов Сибири и Дальнего Востока // Лекарственные средства Дальнего Востока. Вып. 10. Хабаровск, 1970. С. 16–19.
9. Вострикова Г.Г., Востриков И.А. Медицина народов Дерсу. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971.
10. Врядий В.П. Опьяняющие напитки китайцев, корейцев, японцев и инородцев Уссурийского края. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1904.
11. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск: Книжное изд-во, 1991.
12. Груздев Ф.С. Амур (Природа и люди Амурского края). СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1896.
13. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
14. Диков Н.Н. Наскальные загадки Древней Чукотки (петроглифы Пегтымеля). М.: Наука, 1971.
15. Диксон О.Э. Мистерии мухомора: Применение галлюциногенного гриба в шаманской практике. М.: Велигор, 2004.
16. Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России: 1858–1938 гг.: дис. ... д-ра ист. н. Благовещенск, 2009.
17. Иващенко Я.С. Опиум, табак и водка в культуре нанайцев: к истории межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2010. Т. 2. № 1. С. 86–89.
18. Иващенко Я.С. Пищевые предписания и запреты в традиционной промысловой обрядности нанайцев // Науки о человеке, обществе и культуре: история, современность, перспективы. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2008. С. 113–117.
19. Изотов Д.В., Тагильцев Ю.Г., Колесникова Р.Д., Цюпко В.А. Биологически активные вещества дальневосточных видов багульника // Лесной журнал. 2010. № 2. С. 24–30.
20. Козьминский И.И., Каргер Н.Г. Предварительный отчет об исследовании материальной культуры и верований гаринских гольдов // Гарино-Амгунская экспедиция 1926 года. Л.: АН СССР, 1929. С. 25–48.
21. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949.
22. Ларин А.Г. Китайцы в России. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.
23. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока. Магадан: Книжное изд-во, 1983.
24. Отаина Г.А. Народная медицина нивхов как фактор сохранения здоровья // Этнос и культура. Владивосток, 1994. С. 94–109.
25. Пинюгина Е.В. Дейк Т.А. ван. Дискурс и манипуляция (реферат) // Политическая наука. 2009. № 4. С. 187–193.
26. Подмаскин В.В. Использование лекарственных растений и животных удэгейцами // Биологические ресурсы восточной и Юго-вос-

точной Азии и их использование. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1978. С. 53–58.

27. Романова Г.Н. Предпринимательство, земледелие и промыслы китайских мигрантов на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 6. С. 119–127.

28. Сем Т.Ю. Традиционные верования тунгусо-маньчжурских народов. Ч. 1: Культ плодородия и образы богинь-прародительниц // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49. № 3. С. 112–118.

29. Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX века). Этнографические очерки. Владивосток: ДВНЦ, 1973.

30. Синиченко В.В. Правонарушения иностранцев на востоке Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск, 2003.

31. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М.: Наука, 1989.

32. Сорокина Т.Н. «Заветная мысль каждого китайца»: форматы китайской торговли в Приамурском крае на рубеже XIX–XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 84–102.

33. Спевиковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе). М.: Наука, 1988.

34. Таксами Ч.М. Шаманство у нивхов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 165–177.

35. Усова А.В. История китайцев, маньчжуров и дауров Зазейского края во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 2005.

36. Шаповалов А.В. Очерки истории и культуры потребления табака в Сибири. XVII – первая половина XX вв. Новосибирск: Издательский центр «Прогресс-Сервис», 2002.

37. Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. Т. 2. Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта. СПб: Издательство Императорской академии наук, 1899.

38. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933.

39. Элерт А.Х. Алкоголь и галлюциногены в жизни коренных народов Сибири // Наука из первых рук. 2007. № 2. С. 106–123.

REFERENCES

1. Arseniev, V.K., 1914. Vymiranie inorodtsev Amurskogo kraia [Extinction of natives of the Amur region]. In: Trudy 1-go sezda vrachei Priamurskogo kraia 23–28 avgusta 1913 g. v g. Khabarovske. Khabarovsk, 1914, pp. 337–353. (in Russ.)

2. Arseniev, V.K., 1914. Kitaitsy v Ussuriiskom krae: Oчерк istoriko-etnograficheskii [The Chinese in the Ussuri Krai]. Khabarovsk: Tipografiya kantselyarii Priamurskogo generala-gubernatora. (in Russ.)

3. Arseniev, V.K., 1926. Lesnye lyudi-udekheitsy [Forest people Udehe]. Vladivostok: Knizhnoe delo. (in Russ.)

4. Batyanova, E.P. and Bronshtein, M.M., 2016. Mukhomor v bytu, verovaniyakh, obryadakh, iskusstve narodov Severa [Amanita muscaria in the household, beliefs, rituals and art of the peoples of the North], Sibirskie istoricheskie issledovaniya, no. 1, pp. 46–58. (in Russ.)

5. Berezniitskii, S.V., 1993. Verovaniya i obryady ul'ta (po materialam mezhdunarodnoi etnolingvisticheskoi ekspeditsii na o. Sakhalin v iyule-avguste 1990 g.) [Beliefs and rituals of Ul'ta (based on the materials of the international ethnolinguistic expedition to Sakhalin Island in July-August 1990)]. In: Ethnic Minorities in Sakhalin. Yokohama: Yokohama National University, 1993, pp. 129–157. (in Russ.)

6. Bogoraz, V.G., 1991. Material'naya kul'tura chukchei [The Chukchee: material culture]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Bool', V.B., 1930. Gol'dy s reki Tunguski. Etnograficheskii oчерk [Nanai people from the Tunguska River. Ethnographic essay]. Khabarovsk: Knizhnoe delo. (in Russ.)

8. Brekhman, I.I. and Sem, Yu.A., 1970. Etnofarmakologicheskoe issledovanie nekotorykh psikhoaktivnykh sredstv malykh narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Ethnopharmacological investigation of some psychoactive drugs of Siberian and Far-Eastern minor nationalities]. In: Lekarstvennye sredstva Dal'nego Vostoka. Vyp. 10. Khabarovsk, 1970, pp. 16–19. (in Russ.)

9. Vostrikova, G.G. and Vostrikov, I.A., 1971. Meditsina narodov Dersu [Medicine of the peoples of Dersu]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

10. Vradii, V.P., 1904. Op'yanyayushchie napitki kitaitsev, koreitsev, yapontsev i inorodtsev Ussuriiskogo kraia [Alcoholic drinks of the Chinese, Koreans, Japanese and indigenous peoples of the Ussuri region]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Trenke i Fyusno. (in Russ.)
11. Gaer, E.A., 1991. Drevnie bytovye obryady nanaitsev [Ancient everyday rituals of the Nanai people]. Khabarovsk: Knizhnoe izd-vo. (in Russ.)
12. Gruzdev, F.S., 1896. Amur (Priroda i lyudi Amurskogo kraia) [Amur (Nature and people of the Amur region)]. Sankt-Peterburg: Izdanie P.P. Soikina. (in Russ.)
13. Van Deik, T.A., 2000. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene. (in Russ.)
14. Dikov, N.N., 1971. Naskal'nye zagadki Drevnei Chukotki (petroglify Pegtymelya) [Mysteries in the rocks of ancient Chukotka: petroglyphs of Pegtymel]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
15. Dixon, O.E., 2004. Misterii mukhomora: Primenenie gallyutsinogenного гриба v shamanskoi praktike [Mysteries of amanita: the hallucinogenic mushroom in the practice of shamanism]. Moskva: Veligor. (in Russ.)
16. Zaleskaya, O.V., 2009. Kitaiskie migranty na Dal'nem Vostoke Rossii: 1858–1938 gg. [Chinese migrants in the Russian Far East, 1858–1938], dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk. Blagoveshchensk. (in Russ.)
17. Ivashchenko, Ya.S., 2010. Opium, tabak i vodka v kul'ture nanaitsev: k istorii mezhkul'turnoi kommunikatsii na Dal'nem Vostoke [Opium, tobacco and vodka in the Nanai culture: towards the history of intercultural communication in the Far East], Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, Vol. 2, no. 1, pp. 86–89. (in Russ.)
18. Ivashchenko, Ya.S., 2008. Pishchevye predpisaniya i zaprety v traditsionnoi promyslovoi obryadnosti nanaitsev [Food taboos in the traditional rituals of the Nanai people]. In: Nauki o cheloveke, obshchestve i kul'ture: istoriya, sovremennost', perspektivy. Komsomolsk-na-Amure: KnAGTU, 2008, pp. 113–117. (in Russ.)
19. Izotov, D.V., Tagil'tsev, Yu.G., Kolesnikova, R.D. and Tsyupko, V.A., 2010. Biologicheski aktivnye veshchestva dal'nevostochnykh vidov bagul'nika [Biologically active substances of Ledum species in the Far East], Lesnoi zhurnal, no. 2, pp. 24–30. (in Russ.)
20. Koz'minskii, I.I. and Karger, N.G., 1929. Predvaritel'nyi otchet ob issledovanii material'noi kul'tury i verovanii garinskikh gol'dov [Preliminary report on the study of the material culture and beliefs of the Nanai people of the Gorin River]. In: Garino-Amgunskaya ekspeditsiya 1926 goda. Leningrad: AN SSSR, 1929, pp. 25–48. (in Russ.)
21. Krashennnikov, S.P., 1949. Opisanie zemli Kamchatki: s prilozheniem raportov, donesenii i drugih neopublikovannykh materialov [Description of the land of Kamchatka. With reports and other unpublished materials]. Moskva; Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi. (in Russ.)
22. Larin, A.G., 2000. Kitaitsy v Rossii [The Chinese in Russia]. Moskva: Institut Dal'nego Vostoka RAN. (in Russ.)
23. Lindenau, Ya.I., 1983. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-vostoka [Description of the peoples of Siberia (first half of the XVIIIth century): historical and ethnographic materials on the peoples of Siberia and North-East]. Magadan: Knizhnoe izd-vo. (in Russ.)
24. Otaina, G.A., 1994. Narodnaya meditsina nivkhov kak faktor sokhraneniya zdorov'ya [Folk medicine of the Nivkh as a factor of health preservation]. In: Etnos i kul'tura. Vladivostok, 1994, pp. 94–109. (in Russ.)
25. Pinyugina, E.V., 2009. Van Deik T.A. Diskurs i manipulyatsiya (referat) [Van Deik T.A. Discourse and manipulation (summary)], Politicheskaya nauka, no. 4, pp. 187–193. (in Russ.)
26. Podmaskin, V.V., 1978. Ispol'zovanie lekarstvennykh rastenii i zhivotnykh udegeitsami [The use of medicinal plants and animals by the Udege people]. In: Biologicheskie resursy vostochnoi i Yugo-vostochnoi Azii i ikh ispol'zovanie. Vladivostok: DVNTs AN SSSR, 1978, pp. 53–58. (in Russ.)
27. Romanova, G.N., 2013. Predprinimatel'stvo, zemledelie i promysly kitaiskikh migrantov na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XIX – nachalo XX vv.) [Entrepreneurship, agriculture and crafts of the Chinese migrants in the Russian Far East (late XIXth – early XXth century)], Problemy Dal'nego Vostoka, no. 6, pp. 119–127. (in Russ.)
28. Sem, T.Yu., 2021. Traditsionnye verovaniya tunguso-man'chzhurskikh narodov. Ch. 1: Kul't plodorodiya i obrazy bogin'-praroditel'nits [Tungus-Manchu traditional beliefs. Part 1: Fertility cult and images of divine ancestresses],

Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii, Vol. 49, no. 3, pp. 112–118. (in Russ.)

29. Sem, Yu.A., 1973. Nanaitsy. Material'naya kul'tura (vtoraya polovina XIX – seredina XX veka). Etnograficheskie ocherki [The Nanai people. Material culture (the second half of the XIXth – the mid-XXth century). Ethnographic essays. Vladivostok: DVNTs. (in Russ.)

30. Sinichenko, V.V., 2003. Pravonarusheniya inostrantsev na vostoке Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Crimes committed by foreigners in the east of the Russian Empire in the second half of the XIXth – early XXth century]. Irkutsk. (in Russ.)

31. Soloviev, F.V., 1989. Kitaiskoe otkhodничество na Dal'nem Vostoke Rossii v epokhu kapitalizma (1861–1917) [Chinese seasonal workers in the Russian Far East in the era of capitalism, 1861–1917]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

32. Sorokina, T.N., 2014. «Zavetnaya mysl' kazhdogo kitaitsa»: formaty kitaiskoi trgovli v Priamurskom krae na rubezhe XIX–XX vv. [«Cherished dream of every Chinese»: forms of Chinese trade in the Amur region at the turn of the XXth century], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie, Vol. 10, pp. 84–102. (in Russ.)

33. Spevakovskii, A.B., 1988. Dukhi, oborotni, demony i bozhestva ainov (religioznye vozzreniya v traditsionnom ainskom obshchestve) [Spirits, werewolves, demons and deities of the Ainu people (religious views in traditional Ainu society)]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

34. Taksami, Ch.M., 1981. Shamanstvo u nivkhov [Shamanism among the Nivkhs].

In: Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.). Leningrad: Nauka, 1981, pp. 165–177. (in Russ.)

35. Usova, A.V., 2005. Istoriya kitaitsev, man'chzhurov i daurov Zazeiskogo kraя vo vtoroi polovine XIX veka [The history of the Chinese, Manchus and Daurians of Trans-Zeya region in the second half of the XIXth century], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

36. Shapovalov, A.V., 2002. Ocherki istorii i kul'tury potrebleniya tabaka v Sibiri. XVII – pervaya polovina XX vv. [Essays on the history and culture of tobacco consumption in Siberia in the XVIIth – the first half of the XXth century]. Novosibirsk: Izdatel'skii tsentr «Progress-Servis». (in Russ.)

37. Shrenk, L.I., 1899. Ob inorodtsakh Amurskogo kraя. T. 2. Etnograficheskaya chast'. Pervaya polovina: glavnye usloviya i yavleniya vneshnego byta [On the indigenous peoples of the Amur region. Vol. 2. Ethnographic part. The main conditions and traits of everyday life]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Imperatorskoi akademii nauk. (in Russ.)

38. Shternberg, L.Ya., 1933. Gilyaki, orochi, gol'dy, negidal'tsy, ainy [The Gilyak, Orochi, Goldi, Negidal, Ainu: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz. (in Russ.)

39. Elert, A.Kh., 2007. Alkogol' i gallyutsinogeny v zhizni korennykh narodov Sibiri [Alcohol and hallucinogens in the life of the indigenous peoples of Siberia], Nauka iz pervykh ruk, no. 2, pp. 106–123. (in Russ.)

